

35
ПАРСЕКА

КАТИ БЕЯЗ

12+

Кати Беяз

3.5 Парсека

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68057912

SelfPub; 2022

Аннотация

Эндрю Уотсон наблюдает за звездами всю жизнь. Еще мальчишкой он подолгу с упоением взирал в ночное небо. Теперь профессор Уотсон наблюдает за далекими объектами необозримого космоса через самый большой телескоп на всей планете. Роке-де-лос-Мучачос возвышается над облаками. Именно сюда вечерами приезжает Эндрю, чтобы ночь напролет провести за наблюдениями. Однажды молодой помощник Крисс отпрашивается на вечеринку, и профессор остается в обсерватории один. Ближе к полуночи Уотсон слышит в коридорах здания таинственные шаги. Что хочет рассказать ночной гость? Какие тайны мироздания желает поведать?

Рассказ "3.5 Парсека" занял место в лонг-листе конкурса Кубок Брэдли 2021

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22

Кати Беяз

3.5 Парсека

Глава 1

Эндрю схватился за кружку остывшего кофе.

– Чёрт...

Он опять забыл о своем напитке – двойное солнце в созвездии Лебеда бодрило Эндрю Уотсона гораздо больше.

– Эй, Крисс, – крикнул он, не отводя глаз от монитора, – там ещё есть чем промочить горло?

Ответа не послышалось. Что сказать, работа так поглотила Эндрю, что он даже напрочь забыл, как отпустил парня с дежурства.

Ещё несколько часов назад главный наблюдатель ночного неба планеты Земля профессор Эндрю Уотсон ехал на работу. Он поднимался по крутому серпантину, при любой возможности рассматривая живописную бухту Плайя-де-ла-Вота. Низкие пальмы, бескрайнее голубое небо и мягкий климат Канарских островов – что ещё нужно для счастья? А для счастья Эндрю не хватало ночи. Ночи, полной звёзд. Уроженец Атланты всерьёз полагал: остров Ла Пальма – земной рай, не меньше.

Отметка в 500 метров над уровнем моря – Эндрю снова

выворачивал руль пикапа. Крутой поворот и вновь наверх. Низкие пальмы, шикарные кусты розовой магнолии и живописные синие горы.

– Синих гор не бывает! – ещё в школе твердил учитель рисования.

Вот бы показать этому провинциальному балбесу здешние виды. Пейзажи, которые не могут надоест. Красоты, неспособные замылить глаз.

Ещё с пару десятков таких поворотов, и океан сольётся с небом, а пёстрые скалы бывшего вулкана заволокут кучевые облака.

«Дорога в небо и даже выше», – добавлял Эндрю к названию этой трассы. Романтично и довольно правдиво, ведь самая высокая точка – не конец пути. Оттуда начинается ещё более захватывающее путешествие – путешествие к далёким звёздам Млечного Пути и другим галактикам.

Проезжая по мосту прямо над облаками, Эндрю засмотрелся на розовое свечение – каждый субтропический вечер солнце окрашивало этот мягкий ковёр невероятными тонами. Посреди воздушных замков отдавал стальным блеском массивный купол Роке-де-лос-Мучачос – самый мощный телескоп крупнейшей обсерватории мира.

На небольшой парковке мистера Уотсона поджидал Крисс. Он облокотился на свой кабриолет и заложил руки в карманы модных джинсов.

– Эй, док, как настроение сегодня? – Киприот выпрямил-

ся и поправил чёрные кудри.

– Отлично! Готов к дежурству? – Эндрю хлопнул дверцей пикапа.

– Эм, тут такое дело... – замялся молодой сотрудник обсерватории. – У моей девушки сегодня день рождения. Гости приглашены, вечеринка начнётся с минуты на минуту.

– Ты мог перенести дежурство. – Профессор Уотсон прошёл мимо, направляясь ко входу.

– Да, я просто... – замялся Крисс, понимая, что запросто может получить отказ. – Забыл! Я забыл, док!

– О работе или о дне рождения? – обернулся профессор.

– О вечеринке... Совсем вылетело из головы.

– Ну, раз о вечеринке, то так и быть, поезжай.

– Спасибо, док! Спасибо! – воскликнул Крисс и запрыгнул в авто. – С меня канарский ром!

– Ладно тебе, – махнул рукой Эндрю. – Санта Круз 2013-го, – добавил док.

Так вот, он сам отпустил Крисса, и теперь совершенно некому налить фильтрованный кофе. Крисс, разумеется, был способен на многое другое, но всё же главным для Эндрю оставалось работать без отрыва от наблюдений. И без ассистента ему придётся идти на кухню и обслуживать себя самому.

Астрофизик ещё раз увеличил квадрат звёздной системы на чёрном экране, когда в коридоре послышался тихий, до мурашек отчётливый звук шагов.

Эндрю замер.

– Крисс, ты вернулся? – крикнул он, медленно поворачиваясь ко входу.

Коридор озарялся ярким светом, в отличие от деликатного освещения зала для наблюдений. Да-да, никто не поднимается на лестницу к системе мощных линз и зеркал. Никто не заглядывает в глазок, словно древний звездочёт. Всё вот здесь – на больших, дорогостоящих экранах с невероятным разрешением.

Эндрю огляделся. Он на мгновение замер и бегло осмотрел помещение. Никого. Показалось. Он выдохнул и потёр переносицу. Профессор забрал со стола кружку и направился в пищеблок.

Как только док вышел в коридор и свернул к кухне, в противоположном крыле что-то мелькнуло.

Он вновь остановился. Это казалось всего лишь чьей-то тенью, что появилась в полумраке. Вопрос только чьей, если Эндрю Уотсон этой ночью здесь абсолютно один.

Он осторожно поставил кружку на пол и, чтоб не спугнуть ночного гостя, прокрался в восточное крыло. Тут находились архивные комнаты и пара кают, где можно было поспать в случае внезапной усталости.

Док заглянул в архивную, быстро нащупал свет и отскочил от двери. Тишина, никого. Лишь бесконечные ряды железных шкафчиков и стеллажей.

«Может, прячется за ними?»

Эндрю вооружился стулом и пошёл вперёд. Лишь только он дошёл до первых полок, как из коридора раздался оди-ночный стук.

«Ну всё, попался!»

Док, не отпуская стула, рванул в коридор. Одна из дверей в каюту, скрипнув, приоткрылась.

Профессор Уотсон осторожно вошёл в темноту и щёлкнул по выключателю. Он не дышал, замахнувшись так высоко, как только мог, но в помещении снова оказалось пусто. Со-всем пусто.

«Куда делся? Прятаться тут негде...»

Тумба, вешалка, медицинский шкаф и узкая кровать – вот и вся комната.

«Разве что...»

Эндрю прищурился, изучая чёрную щель под кроватью.

Он опустил стул и железной ножкой осторожно отодвинул плюшевое одеяло.

«И под кроватью никого! Что за чертовщина?» – нахму-рился док.

Он повернулся, рассматривая, словно впервые, такое зна-комое глазу пространство, как вдруг панцирная сетка кроват-и издала тихий скрип.

Эндрю застыл, не решаясь взглянуть. По спине побежали ручьи холодного пота, а дыхание вмиг выдало облако лёгко-го белого пара. В помещении резко похолодало. Нос защи-пал лёгкий мороз, а руки обдало мертвецким холодом. Он не

знал, что за спиной или кто, но чувствовал всем своим существом – там кто-то есть. И скорее неживой, чем живой...

«Не бойся...» – приказал себе док.

Приказ, откровенно говоря, не подействовал, но вскоре он почувствовал, как холод ушёл. В подтверждение этому где-то в коридоре раздался вкрадчивый стук. Словно тот, кто привёл его сюда, ушёл. Ушёл, чтоб больше не пугать.

Эндрю медленно повернулся. Всё как и было: тумба, вешалка, медицинский шкаф и панцирная кровать. Кровать... Эндрю нагнулся. Чёрная сетка, серый матрас... и белый прямоугольник бумаги в правом дальнем углу.

Профессор Уотсон нахмурился. Всё походило на странную шутку. Розыгрыш. Он ещё минуту колебался, оставить ли записку на месте или достать её. Но всё же выбрал второе.

Вчетверо сложенный тетрадный лист, внутри размашистый почерк.

«Док, это Филипп Ларс. Я написал и спрятал это письмо в единственной комнате во всей обсерватории, где нет камеры наблюдения. Если дверь позади открыта, не поворачивайся. Просто сделай пару шагов влево – это слепое пятно, куда не достаёт слежка...»

Эндрю засунул лист в брюки под майку и выпрямился. Если сделает, как подсказал покойный Филипп Ларс, его наверняка в чём-то заподозрят. Легче, оправдываясь, рассказать, что обнаружил крысу, постучал по панцирной сетке, и она убежала. Пусть лучше ищут крысу, чем письмо.

Месяц назад друг и коллега Эндрю Уотсона скончался. Скончался в расцвете сил и совершенно нелепо. Он ехал с работы. Ехал в тысячу первый раз, когда у совершенно новенького джипа отказали тормоза. Он вылетел с трассы и разбился в глубоком ущелье. Трагедия. Талантливый сотрудник, астроном с двадцатилетним стажем и лучший друг Эндрю погиб.

Последние дни своей жизни Филипп и вправду был не в себе. Названивал Уотсону в Новую Зеландию, где тот отдыхал с семьёй. Но каждый раз по какой-то нелепой причине им не удавалось поговорить. Ещё и эта разница во времени...

В тот день Эндрю вышел из океана. Солнце садилось, озаряя пляж Карекаре вечерним золотом. Из машины бежала его жена Луиза.

– Эндрю, Эндрю... – Южный ветер уносил её слова в океан. – Эндрю! – Зыбкий песок поглощал её ступни. – Эндрю, Филипп! Филипп! У него что-то важное!

Она застыла в песке, словно статуя Свободы, держа в руках мобильник мужа.

Он подбежал и приложил аппарат к уху.

– Алло, Филипп? Что там у тебя происходит?

– Эндрю, за мной слежка... – Сигнал обрывался, он явно спускался с гор. – Я думаю, меня хотят убить...

– Что? Ты сошёл с ума!

– Возможно. – Филипп плакал. – Возможно, мой друг! Но я что-то знаю, Эндрю... и это... – Голос вновь пропал. – Слы-

пишь? Лучше б я сошёл с ума!

Линия оборвалась. И сколько бы раз Эндрю не набирал номер друга, звонок не проходил. Уотсон уснул с тяжёлым чувством, когда посреди ночи раздался звонок.

– Эндрю, Филипп умер... – рыдала Патриша.

– Что? Что ты такое говоришь? – подскочил док.

– Он ехал с работы и на высоте в полтора километра не справился с управлением, – рыдала Патриша Ларс.

С тех пор Эндрю тщетно пытался разгадать тайну гибели друга. Он хотел, черт побери, знать, почему талантливый учёный и его лучший друг скончался. Что ж, видимо, Филипп хотел того же...

Док закрыл дверь, заметив, как сильно дрожат его руки.

«Повсюду камеры, надо вести себя спокойно и максимально естественно».

Профессор дошёл до оставленной кружки, поднял её и направился в пищеблок. Камера слева у входа. Ещё одна напротив столов и холодильника.

Эндрю поставил кружку на столешницу, засыпал кофе в кофемашину и снова вышел в коридор.

Он нажал на дверь с иллюминатором и вошёл в уборную. Слева камера охватывает лишь верх кабин. Но, возможно, в чёрных квадратах вентиляции есть ещё камеры скрытого наблюдения. Эндрю занял кабинку и встал спиной к двери. Он достал послание и быстро развернул сложенный лист.

«Меня преследуют, Эндрю. За мной слежка. Всё очень се-

рьёзно. Ты сам поймёшь, когда прочтёшь это письмо. Ибо если читаешь его, значит, я уже мёртв!

Я что-то знаю, Эндрю. Что-то такое, на фоне чего человеческая жизнь песчинка, мой друг. Но это сложно объяснить. Чёрт возьми, очень сложно!

Сегодня ночью в 2:45:21 поднимись к телескопу и посмотри в квадрат A13786. Ты что-то увидишь, если послушаешь меня. Мониторы это не покажут.

Когда увидишь, не выдай себя. Не будь таким же глупцом, как я. Найди Грегора Винча. Он живёт напротив чёрного пляжа Тазакорты. Найди его... Докопайся до истины!

Верю в тебя, мой друг!»

Глава 2

Эндрю поднёс кружку к губам, сделал глоток и осторожно поставил её на стол. Руки по-прежнему дрожали, а сердце отбивало бешеным ритмом секунды до указанного Филиппом времени. В 2:40 он симулирует неисправность, встанет и поднимется по железной лестнице к телескопу. Он настроит его на нужный квадрат и станет ждать.

«Что? Что он должен там увидеть?»

Ничего не приходило на ум, кроме несуразных сюжетов из дешёвых фильмов про инопланетное вторжение. Но какими бы глупыми ни были эти сценарии, почти во всех любопытство губило главному герою жизнь.

«Что, если послушаться Филиппа? Не обратить внимания на письмо, не узнать, что появляется всего на пару секунд глубокой ночью в квадрате A13786? Кстати, а что там? Большое Магелланово облако?»

Эндрю навёл курсор на карликовую галактику в 163 тысячах световых лет от Земли.

Он ещё долго размышлял о целесообразности расследования, но когда часы отсчитали 2:43, глубоко задышал и театрально всмотрелся в мониторы. Эндрю замотал головой, глотнул воды и побежал по винтовой лестнице к телескопу.

Сердце вырывалось из груди, когда он наконец добрался

до окуляра. От напряжения тисками сдавило голову, а кофе внезапно попросился наверх.

«Спокойно! Возможно, ничего не увижу! Быть может, Филипп просто сошёл с ума...» – успокаивал себя Уотсон.

«2:45».

Он глянул на часы и прильнул к окуляру.

Предварительно направив механизм гигантских размеров в нужный квадрат, Эндрю сосредоточился.

Перед глазом возникла немного размытая воронка БМО. Эта галактика – спутник Млечного Пути. Предполагается, что примерно через 2,4 миллиарда лет они столкнутся, но эта информация едва ли могла убить Филиппа.

Внезапно чёрный космос в этом месте запульсировал яркими квадратами. Это было похоже на дыру – дыру в космосе, только лишь состоящую из отдельных ячеек. Если бы Эндрю не знал, как устроен рефлекторный телескоп, то вполне мог предположить, что именно так вышел из строя огромный старый экран телевизора, который некий шутник установил перед прозрачной линзой. Не отрываясь Уотсон смотрел дальше. На смену «прожжённым» пикселям пришёл почти дневной свет.

Секундой позже явление кончилось. Ячейки схлопнулись, образовав такое привычное глазу межзвёздное пространство.

– Что это было? – зашептал учёный. – Дефект зеркала? Оптическая иллюзия? Но почему в одно время и только в

одном месте? И почему, чёрт побери, мониторы ничего не фиксируют?

Вопросов оказалось гораздо больше, чем ответов. Хотя что там, последних не было вовсе. Внизу зазвонил телефон.

«В 2:50 ночи?» – нахмурился Эндрю.

Он спускался, а телефон всё звонил. Док подбежал к столу, когда аппарат замолчал.

«Что ж, может, это к лучшему...»

Не успел он отдышаться, как телефон зазвонил вновь.

– Алло? – засипел Эндрю.

– Доброй ночи, док! – раздался подвыпивший голос Крисса.

– Господи, это ты... – Уотсон облегчённо выдохнул и склонился к столу.

– А вы кого ждали? У вас там всё в порядке? Без меня справляетесь?

– Даже боюсь предположить, что произойдёт, если отвечу «нет», – отшутился Эндрю.

Крисс рассмеялся и пожелал хорошей смены.

«Зачем звонил?» – перебирал в мыслях Эндрю. – «Почему именно сейчас? Но, быть может, парень просто обучен хорошим манерам?»

Работа не шла, а созвездие Лебеда выглядело скучным набором светил. Дальше было хуже – Уотсона бросало в жар. Теперь ему казалось, все камеры обсерватории направлены только на него. В какой-то момент Эндрю перестало хватать

воздуха. Он вскочил и, стараясь держать равновесие, вышел из лаборатории. Профессор дошёл до каюты – той самой, где нашёл записку Филиппа. Он открыл дверь, щёлкнул по выключателю и, тяжело дыша, осмотрел помещение.

«Что это было?» – Эндрю лёг на кровать и растёр докрасна лоб. – «Гравитационно-линзовый эффект!» – осенило профессора. – «Но постойте, тогда где ж должна находиться чёрная дыра, чтоб демонстрировать такую мощь? Да и ко всему прочему, она бы непременно кормилась звёздами, и мы б её присутствие видели значительно чаще, чем несколько отмеченных кем-то секунд в сутки... Хотя в космосе ведь намного больше явлений неизученных, чем известных учёным! Это неоспоримый факт. Другой вопрос: какая тайна космоса может стоить жизни одного из лучших сотрудников Роке-де-лос-Мучачос?»

Так профессор Уотсон промучился до утра. Перед самым рассветом ему даже показалось, что в обсерваторию кто-то приехал. Эндрю прошёлся по пустым коридорам и вышел на улицу.

«Так-то лучше...»

Он вдохнул свежий воздух раннего утра.

Млечный Путь уходил, уступая место яркому Юпитеру. Уотсону не хотелось обратно. Скоро приедет сменщик, и Эндрю умчится на поиски ответов. А пока золотые облака жёлтыми замками окружили обсерваторию. Они смешивались, роились и создавали полное ощущение некой плотной мас-

сы, по которой вполне можно пробежаться или, на худой конец, проплыть. Внизу раздался звук мотора.

– Доброе! – задиристо махнул головой Клайд.

– Доброе! – Эндрю поспешил пожать руку и сесть за руль.

– Обычно тебя оттуда не вытащить. – Клайд подошёл к окну пикапа.

Он странно ухмыльнулся, осмотрел авто Уотсона, а после похлопал по кабине, словно отправлял на скачки быструю лошадь.

Руки Эндрю сковал страх. Что, если и его тормозной шланг уже аккуратно подрезан?

– До встречи, док, – отошёл Клайд, – и смотри, на поворотах аккуратнее. Внизу прошёл дождь, ещё скользко.

Аналитик скрылся в серебристом куполе.

– Чёрт! – Эндрю ударил ладонями по рулю.

Он сидел неподвижно ещё несколько минут, а после схватился за телефон и набрал Крисса.

– Док? – сипом донеслось из трубки.

– Эй, друг! – Эндрю перевёл дыхание. – Ты за руль можешь?

– Что случилось? – зевал тот.

– Мне... мне нужна твоя помощь!

– Моя? – Крисс, кажется, окончательно проснулся.

– Да! – Эндрю массировал переносицу. – Ты можешь за мной заехать?

– Куда? На гору?

– Понимаю, звучит глупо!..

– Нет, нет, док! Я приеду...

Спустя сорок минут Крисс и вправду был у Роке-де-лос-Мучачос. Капот его кабриолета покрыли мелкие капли дождя, а над синим корпусом нависла чёрная брезентовая крыша.

Эндрю запрыгнул в стильный кожаный салон и похлопал Крисса по плечу.

– Спасибо, выручил...

Парень слабо улыбнулся.

– Давай сменю тебя, – подсуетился Уотсон, – что ж это я, болван, сразу не догадался!

– Не откажусь, – кивнул Крисс. – Куда держим путь? – От него разило ромом.

Киприот уместился на пассажирском сидении, словно собрался по дороге вздремнуть.

– Я не могу тебе этого сказать, – выпалил Эндрю.

Крисс нахмурился и скрестил на груди мускулистые руки.

– Просто не могу втягивать тебя во всё это...

Они молчали почти до самой трассы. После двух тысяч метров низкие облака всё ещё проливались дождём. Порывистый ветер трепал высокие пальмы, срывал с пышных кустов магнолию и бросал её крупные цветы на асфальт. Сокрушительно и стремительно быстро – любой, живущий в местных широтах, даст буре на разгул не больше двух часов. А дальше, как по щелчку, всё стихнет, появится солнце и за

двадцать минут высушит всю без остатка промокшую до листика растительность.

С дороги показался чёрный песок порта, когда Крисс нарушил молчание.

– Мы в Тазакорту?

– Угу, – кивнул док.

– К кому-то? Или просто развеяться?

– К кому-то... Но ты останешься в машине, – отрезал профессор и съехал на широкую набережную.

– Как скажешь, док, как скажешь... – Крисс поудобнее устроился в кресле и лишь одним глазом оценил обшарпанное здание, у которого припарковалась его машина.

Эндрю подошёл к первому подъезду и прошёлся взглядом по тусклым прямоугольникам с фамилиями жильцов.

– Не здесь, – тихо произнёс он и перешёл к следующей парадной.

«Грегор Винч – 38».

Эндрю поднял к обшарпанным коридорам глаза. Напоминающие длинные балконы, они высились серыми рядами, соединенные крутыми ржавыми лестницами. Какому жильцу в подобном здании можно было доверять, Эндрю не знал. Но несмотря ни на что, он всё же разыскал коричневую дверь на втором этаже со стальным номером 38 и постучал.

Тишину прервали ругательства.

– Твою ж... Кого там принесло в такую рань?

В дверном зазоре натянулась цепочка и появилось заспан-

ное небритое лицо.

– Чего надо? – прохрипел Грегор.

– Я друг Филиппа... Филиппа Ларса, – начал Эндрю, когда дверь перед его носом с грохотом захлопнулась.

Секунду спустя, зазвенев, повисла цепочка, а дверь открылась шире.

– Господи! – Грегор схватил Эндрю за воротник и втащил его в комнату. – Ты рехнулся, говорить о нём на улице!

Уотсон сдвинул брови и постарался осмотреться. Но увидел он не так много – плотные шторы погрузили помещение во мрак. Очертаниями высились кучи одежды и всякого барахла, а нос атаковал запах дешёвого алкоголя. Эндрю уже начал жалеть, что пришёл сюда, когда Винч распахнул пыльные шторы и поставил на плиту металлический чайник.

– Кофе? – спокойно спросил он.

– Я всю ночь на этом зелье. – Уотсон рассматривал открывшийся свету грязный участок кухни.

– Так, что ты знаешь? – Винч принялся распаковывать брикет арабики.

– Что знаю или что видел?

Грегор застыл. Он посмотрел на Эндрю, закатал рукава засаленного халата и тяжело вздохнул.

– Ты ни черта не знаешь, – с досадой пробубнил Винч. – Тогда говори, что видел...

– В какой-то момент небо озарилось странным свечением. Но только в одной точке и в определённое время. Филипп

тоже это видел, а после поплатился жизнью. Так вот, я хочу знать, что это. Если ты, разумеется, способен мне на это ответить.

Эндрю прошёлся взглядом по комнате, застыв на старом телескопе у окна.

– Ты из этой трубки смотришь? Она ж только сгодится следить за нерадивыми соседями...

– Неважно, из какой трубки смотреть, если рассматриваешь экран, а не небо.

– О чём ты говоришь?

– О чём, о чём... Ночное небо, в которое ты по ночам смотришь, уже десять лет как голограмма. Там нет ни одной настоящей звезды, ни одного реального созвездия. Даже пресловутый диск Луны всего лишь умелая её копия.

Глава 3

Эндрю опустился в потёртое кресло.

– Ты сумасшедший... – тихо прошептал он.

– Я сумасшедший? – удивлённо обернулся Винч. – Если я сумасшедший, то кто тогда ты? И какого чёрта припёрся в этот клоповник ни свет ни заря?

Уотсон молчал.

– Семь долгих лет они работали над проектом – выводили на орбиту бесчисленное множество спутников, чтоб в один прекрасный день зажечь небо голограммой...

– Но где доказательства? Где? – с надрывом прокричал Эндрю.

– Их сотни, тысячи! Просто им не верят. Проект настолько нереальный, что никто не способен в него поверить. Открой, открой интернет. – Винч схватил кружку и направился к доку. – Набери в поиске «мигание неба», «странные явления в ночном небе» или что-то ещё в этом духе, и увидишь, сколько на самом деле очевидцев!

– Грегор, но я работаю в обсерватории!

– Филипп тоже работал... – пробубнил тот. – Родерик Вильс из Оклахомы, – Винч вооружился треснутым планшетом, – зафиксировал мигание ночного неба в домашний телескоп. Мигание продолжалось два месяца в одно и то же

время ночи в созвездии Льва. Губерт Лунакс – дальнобойщик – вышел среди ночи из кабины отлить и увидел дыру в чёрном небе. Губерт описывал явление так: «Кусок неба вдруг заморгал, словно испорченный телевизор, а потом потух. Вскоре сквозь чёрное пятно я различил совсем другие звёзды и странный свет, что лучами сочился из новообразовавшейся дыры...» Морган Фобан свидетельствовал о ярких вспышках на востоке, которые повторялись из ночи в ночь над горизонтом долгих три недели. Розмари Говардс...

– Ладно, ладно, допустим... – перебил Эндрю, растирая переносицу. – Допустим, кто-то осуществил столь невероятный проект... Допустим даже, что я каждую ночь изучаю движение космических тел сферической голограммы, а не бескрайнего космоса. Скажи тогда, – профессор перевёл дух, – скажи на милость, зачем они это сделали? Зачем закрыли от нас небо?

– Это мне неизвестно, – развёл руками Грегор.

– А кому известно?

– Никому...

Эндрю закрыл лицо руками.

– Тогда зачем Филипп... – начал было Эндрю, когда в квартиру торопливо постучали.

Они переглянулись. Винч, шаркая тапочками, направился к двери.

– Кто там?

– Это я, Крисс, – испуганно шептал парень, – откройте!

– Что за... – загорелся словно спичка Винч.

– Впусти,пусти его, – вскочил с кресла Эндрю, – это мой ассистент!

Грегор прожигал дырку в доке, подходя к двери. Замки щёлкнули, и в помещение влетел испуганный киприот. Он прижал спиной дверь и приложил указательный палец к пухлым губам. Мгновение спустя из коридора донеслись тяжёлые шаги. Некто остановился у соседней квартиры, а под его подошвами заскрежетали мелкие обломки цемента от раскрошившихся перил. Все трое замерли. Лицо Винча горело пламенем гнева, Крисс почти не дышал, а Эндрю беззвучно опустился в кресло.

Преследователь прошёл мимо.

– Кого ты привёл? – Грегор схватил парня за футболку.

– Откуда мне знать? Я вышел прогуляться по берегу, а потом увидел их чёрный авто рядом с моим и как они кого-то здесь высматривают.

– Это всё?

– Господи, док, – Крисс перевёл испуганный взгляд на профессора, – кто эти ребята? От кого мы прячемся?

– Я не знаю, Крисс. – Эндрю замотал головой.

– Кто, кто... Хранители секретов, – недовольно пробубнил Винч и отпустил парня.

– Каких ещё секретов?

– Планетарных...

– Чего? – Парень недоверчиво осмотрел жилище.

– Кофе?

– Не откажусь...

– Тогда помоги себе сам. – Грегор указал на заваленный грязной посудой кухонный стол. – И мне долей!

– Мальчишка привёл хвост, что ты собираешься с ним делать? – зашептал Винч, проходя мимо кресла.

– Что? – оторопел Эндрю.

– Дело серьёзное, – согнулся Винч и дыхнул перегаром, – мы не жильцы, если что-то всплывёт наружу.

– Грегор, ты сам минуту назад зачитывал мне свидетельства людей в открытом доступе... – Док поднял полные непонимания глаза.

– Их потому никто и не слушает...

– Эй, вот твой кофе! – приблизился Крисс.

– ... Что они просто свидетели, а не астрофизики с мировыми именами, наблюдатели ночного неба через самый большой телескоп мира, – в спешке дошептал Винч.

Он забрал из руки парня кружку и осторожно подошёл к окну.

– Док, что происходит? – тихо спросил Крисс, косясь на высматривающего кого-то в зазор шторы алкоголика.

– Да тут такое дело... – Профессор почесал затылок.

– Какое? – Крисс прищурился и протянул Эндрю свою кружку пахучей арабики.

Профессор поднёс её к носу и вдохнул аромат напитка. Внезапно Грегор отшатнулся к стене и засопел грудным хри-

пом. Он повалился на пол, срывая с карниза пыльную штору.

Крисс не поворачивался. Парень хладнокровно смотрел Эндрю прямо в глаза, пока Винч доживал свои последние минуты, содрогаясь в предсмертных конвульсиях.

Профессор попытался встать, но решительным толчком был посажен на место.

– Пейте кофе, док, – спокойно произнёс Крисс.

– Но почему? – Лицо Эндрю искривили страх и непонимание.

– Мы всё равно умрём, док. Все как один в назначенный час, в назначенный день...

– Я не понимаю...

Крисс подошёл к входной двери и закрыл её на ключ.

– Семнадцать лет назад в декабре 2003 года Борден Бален совершил открытие.

– Тот самый безумный Бален, что застрелил семью в рождественскую ночь и покончил с собой?

– Не такой уж и безумный... – глубоко вздохнул Крисс. – Он открыл чёрную дыру, док. Огромную обезумевшую чёрную дыру, что ровным курсом несётся к нашей планете, пожирая всё на своем пути. Земле конец, профессор. Она оказалась на расстоянии всего лишь три с половиной парсека от нас. Мы ничего не видели, словно слепые котята, когда этот монстр был прямо у нас под носом.

– И когда? – запинаясь, выдавил Уотсон.

– В том-то и весть парадокс, что до того момента, когда

она нас поглотит, осталось около девяти лет. Понимаете, какое у космоса изысканное чувство юмора? Её заметили, когда она начала своё кормление. На тот момент, открой Баллен свою тайну землянам, наш мир погрузился бы в хаос на долгие двадцать шесть лет. Хотя, я думаю, человечество бы истребило себя куда раньше...

– О Господи...

– Боюсь, Господь тут ни при чём. Однако решение создать голограмму неба, чтоб скрыть от людей этот медленный кошмар, пришло не сразу. Два года планирования и втрое больше для реализации скоростного запуска спутников и создания искусственной картинки. Система сделана на скорую руку и никто не рассчитывает, что она сработает идеально. Время от времени от радиации спутники выходят из строя, атмосферу решают остатки планет, стёртых чёрной дырой в пыль. Вы бы видели, док, что там, в ночном небе, на самом деле творится. Такое зарево! Это чудовище прямо сейчас пожирает Проксима Центавру – самую близкую к Земле звезду после Солнца. Её уже нет, док. Ночное небо на самом деле уже совсем другое.

– Это какая-то шутка... – тряс головой Эндрю. – Какая-то шутка...

– Если вы в этом уверены, док, то можете идти. Я отпущу вас. Но как вы собираетесь смотреть своему сыну в глаза, зная, что в его двадцатилетие всё кончится? Как собираетесь прожить этот десяток лет? Ездить на работу, наблюдать за

Проксима Центаврой, зная, что её нет? И как же мы можем быть уверены, что вы никому ничего не расскажете? Ведь если снежный ком покатится с горы, то его уже не остановить. Вы можете идти, док, если уверены в себе! Если знаете точно, что сами не станете причиной преждевременного апокалипсиса...

Крисс отвлёл выразительные чайные глаза. Он больше не мог смотреть на Эндрю. Он знал точно, что если профессор не убьёт себя сам, то на выходе из здания ему обязательно помогут.

– Вы мне нравитесь, док, правда нравитесь...

Парень слишком часто заморгал и быстрым шагом покинул помещение.

Минут десять Эндрю просто сидел. Потом поднял кружку и вышел в открытую дверь. Он опёрся о холодный бетон монолитных перил и вдохнул полной грудью морской бриз. На горизонте синели грозовые облака – точно такие же, что синели месяц назад. Один в один. Голограмма циклична. За десять лет так никто и не заметил. Хотя неудивительно, учитывая, как редко теперь мы смотрим в небо. Всё больше под ноги, реже по сторонам и чаще всего в смартфоны.

«Быть может, если б там кормилась чёрная дыра, никто бы так и не заметил», – усмехнулся Эндрю.

Крисс уехал. Но на его месте ожидала чёрная машина спецслужб. Один громила в тени пальм, другой на пляже, третий... в конце этого чёртова коридора.

Профессор Уотсон достал телефон и быстро напечатал: «Прости меня, я тебя люблю...» Он отправил сообщение жене и пригубил остывший кофе.